

Игорь Шестков "Жасмин"

ЖАСМИН

Аннелизе страстно любит жасмин.

Жаркий июнь – ее любимое время года. Из-за цветущего жасмина.

По дороге на работу Аннелизе останавливается у огромного жасминного куста недалеко от ее дома, гладит ветки и белые цветы и, зажмурившись от удовольствия, нюхает сладкий аромат. Ее узкий лисий нос, густо усыпанный то ли веснушками, то ли старческими пятнами, неприятно подергивается.

Аннелизе пахнет жасмином – потому что регулярно принимает жасминные ванны, моется жасминным мылом и растирается жасминным кремом. Душится жасминными духами. И даже зубную пасту покупает всегда с жасминным экстрактом.

Я жасмин терпеть не могу – от него у меня голова болит. И июнь в саксонском Кирлитце не люблю именно из-за жасмина, которого тут до безобразия много посажено. Тяжелое это благовоние может чувствительного человека в гроб загнать. А я – человек чувствительный. Как все эмигранты. И аллергия меня мучает. На все. На самого себя. На Кирлитц. На жасмин.

...

Аннелизе живет в центре Кирлитца в четырехэтажном доме с балконами, эркерами и башенками, построенном еще до Первой мировой войны, в квартире с просторными комнатами, высокими потолками и внушительной угольной печью, топящейся из коридора и выходящей двумя своими могучими зелеными кафельными боками в гостиную и детскую. На кафельных плитках изображен Роланд с высоко поднятым мечом в правой руке и щитом в левой. На щите – трехголовый грифон.

В длинной, узкой как гроб, спальне отопления нет.

Аннелизе работает вместе со мной в городской галерее современного искусства «Синяя лампа».

...

Дом, где живет Аннелизе, случайно не пострадал при бомбардировке Кирлитца в марте 1945 года. Союзники дружно громили тогда уже беспомощную Германию, чтобы «быстро не встала на ноги, и кошмар не начался бы с начала».

Английским пилотам перед вылетом, например на уничтожение Дрездена, рассказывали «по-секрету», что по сведениям разведки в Дрездене находится руководство Германии во главе с Гитлером. Почему надо сжигать жилые кварталы, в которых жили только старики, женщины, инвалиды и дети, пилотам не объяснили. Но они, кажется, и не спрашивали. Военные любых национальностей охотно совершают массовые убийства, если за это их не наказывают...

Почти все соседние дома были разрушены и не восстановлены после войны, а заменены на ужасные, крысиного цвета двухэтажные строения, слепленные из мусора, глины, щебня и плохого цемента, с крохотными квартирками и маленькими окошками. Эти убогие лачуги достояли до объединения Германии. Удивительно то, что многие их жители не хотели покидать свои первобытные жилища, когда городской совет решил наконец их снести, построить на их месте современные светлые коттеджи и расселить там старых жителей. Правда, цена за квадратный метр должна была возрасти в четыре раза.

...

Пожилые немцы не любят рассказывать о своих подвигах на Восточном фронте. Отнекиваются. Говорят, что в боевых действиях не участвовали. Что служили радистами, конюхами, поварами, шоферами. Только один старый актер, бывший директор драмтеатра в Кирлитце, замечательный знаток творчества Булгакова, тяжело посмотрев на меня, признался: Я был танкистом. В войсках СС. Я убивал ваших людей каждый день, убивал столько, сколько мог... Участвовал в операции Цитадель под Курском. Ничего страшнее я не видел. Мой танк сгорел, но я смог из него выбраться. Остальные погибли. Почти вся наша дивизия была уничтожена. Закончил войну во Франции. Пришел пешком домой, в Кирлитц, а в нем уже была советская комендатура. В вилле Моргенштерн. Меня вызвали к коменданту. Он сидел за старинным столом, а над ним на стене, там где раньше был гравированный портрет Гёте, висел ужасный портрет Сталина, намалеванный масляными красками прямо на гравюре. Комендант был пьян.

Спросил меня о том, где я воевал. Я рассказал. Он выслушал и сказал – Фритц, видишь березу во дворе? Вот веревка. Сейчас выведем тебя во двор и повесим! Потому что ничего другого ни ты, ни весь твой народ не заслужили. Я ответил – воля ваша. А он рассмеялся и сказал, что с повешением несколько повременит, если я через две недели, к приезду высокого начальства поставлю Фауста в местном театре и сам сыграю Мефистофеля. Рассказал, что других актеров тоже пугал березой и веревкой, чтобы они не кочевряжились. Через полгода меня арестовали прямо в театре и отправили на Кавказ, строить дорогу на озеро Рица. Там я доходил. Меня спасли местные жители. Приносили мне фрукты и вино. Через четыре года отпустили. Я русских понимаю и ни за что не виню, но и себя виноватым не считаю. Что я мог сделать? Меня воспитали как нациста.

...

Одной из многочисленных неприятных неожиданностей, поджидавших на территории бывшей ГДР меня, москвича, прожившего всю жизнь в квартире с центральным отоплением, была такая же, как у Аннелизе, колоссальная угольная печь. Само ее наличие. И необходимость ее топить. А также отсутствие в квартире ванной комнаты и туалета. Туалет был на лестничной клетке, между этажами. Поход туда в шлепанцах на босу ногу по ледяным каменным ступенькам (подъезд не топили) был тяжелым испытанием. Особенно, если как раз в это время по лестнице поднимались в свое логово подвыпившие соседи сверху – бывший таксист Хельмут и его визгливая сожительница Бригитта. Хельмут и Бригитта устраивали по ночам настоящие шабаши с ведьминскими плясками, зазывали на них всю окрестную пьянь, орали, топали ногами и ревели как медведи. Не боялись даже полицейских, которых вызывали по телефону мрачные супруги Зигле или сенильный дед Зигфрид, бывший секретарь парткома машиностроительного завода.

Теплыми летними деньками Хельмут и Бригитта выносили на балкончик, выходящий на внутренний двор, радио и врубали на полную мощь «немецкие шлягеры» в ритме марша. Слушать эту удивительно бесталанную музыку, доказывающую самим своим существованием упомянутую классиком еще в девятнадцатом веке «пронизывающую все и вся пошлость немецкой культуры» было невыносимо. Если бы у меня было ружье, я застрелил бы и Хельмута и

Бригитту. Но ружья у меня не было, поэтому приходилось терпеть, скрипя зубами, или уезжать кататься на велосипеде в парк «Чижиковый лес», собирать там ежевику. Собирал я ее впрочем только до того момента, пока не прочитал надпись на табличке у входа в лес – «Просим воздержаться от собирания ягод из-за их заражения яйцами ленточных глистов!»

Хуже популярной немецкой музыки второй половины двадцатого века – только советская популярная музыка того же времени.

...

В моей кухне в стене рядом с небольшим старомодным умывальником с большими фарфоровыми кранами была ниша – душевая. Там можно было помыться, стоя в прямоугольном пластиковом корыте с круглой зарешеченной дыркой, в которую стекала вода. Стены ниши были покрыты зловещей сизой плесенью. Несколько раз я соскребал ее вместе с штукатуркой, обрызгивал стены специальной жидкостью, штукатурил их как мог, и красил заново. Ничего не помогало – через месяц плесень появлялась вновь. Однажды я мылся, думал о чем-то приятном и свистел соловьем. Вдруг корыто подо мной заходило ходуном. Землетрясение, подумал я и выскочил из ниши. Через несколько секунд наполовину полное водой корыто (дырку я затыкал пластиковой крышкой от мармелада) медленно, как в фильме ужасов, провалилось и упало в кухню живущего подо мной машиностроительного деда Зигфрида. Моя прыть спасла мне жизнь. Падать пришлось бы долго – потолки в нашем доме высоченные. Деревянные балки под корытом прогнили от постоянно сочащейся воды. Несколько месяцев ко мне приходили рабочие заделывать дыру. Один раз они украли у меня десять марок из буфета (тогда еще были марки) и свитер. Свитер позже возвратили, а деньги нет.

...

День приходилось начинать с посещения жуткого угольного подвала и растапливания печи. В подвале меня мучила клаустрофобия. Мне казалось, что его низкие арочные перекрытия это небо пасти огромной каменной черепахи. Тишина грохотала.

Из темных, затянутых грязной паутиной, углов подвала доносились зловещие шорохи, хруст, шуршание. Я подозревал, что это духи живших в моем доме до

войны евреев вызывают ко мне о помощи. Я ничем помочь им не мог. Только иногда представлял себе, глядя в моей квартире на выцветшие старинные обои с растительными орнаментами, на которых сохранились какие-то подозрительные светлые силуэты, – вот, тут видимо стоял бельевой шкаф, а тут у них располагалось брачное ложе. И тут же, как по волшебству, передо мной проходила танцующей походкой полупрозрачная девушка в длинном старомодном кремовом платье, кокетка и шалунья, за ней шли размеренным шагом ее пожилые родители в черном, отец держал в руках газету, а мать вела за руку толстого карапуза в матросской одежде.

...

Карапуз застенчиво смотрит в пол. Ленточки на его бескозырке развиваются на беззвучном ветру. Он поднимает голову и проникновенно смотрит на меня. Затем опять печально опускает голову.

Мертвые...

В общине мне сообщили бесстрастно – всех бывших жителей вашего дома убили в Аушвице. Знай, мол, куда приехал, и что тебя возможно ожидает в будущем. Это были старые, немощные, бедные или хронически больные люди и брошенные дети. Молодые, богатые и энергичные евреи покинули Германию еще до Хрустальной ночи. Пережили Холокост и вернулись в Кирлитц только несколько полуевреев. Их отправили в «образцовый» лагерь Терезиенштадт уже в конце войны, и они чудом уцелели.

...

Из подвала приходилось тащить два тяжелых ведра с бурым углем на третий этаж. Несмотря на всевозможные химические средства и достаточное количество сухих чурок для растопки, дешевый польский уголь загораться в печи не хотел, только вонял отчаянно. Возможно, я сам был виноват и делал что-то неправильно. Заслонки что ли не так открывал? В СССР я был относительно благополучным человеком, дворником, истопником или рабочим как некоторые сильные личности не работал, угольные печи в глаза не видел.

Мне казалось, что проклятая печь не топится из-за моего презрения к Кирлитцу и его обитателям. Вроде как мстит.

...

Муж Аннелизе Хайнц – безработный алкоголик. Торчит вечно на вокзале – у тамошней пивнухи. Той, что между магазином комиксов и аптекой для домашних животных. Рядом с которой невоспитанный спаниель, принадлежащий бывшему советскому немцу, в прошлом директору музыкальной школы в Екибастузе, укусил за палец дочь обербургомистра. Хайнц погибает собутыльникам на вокзале, что он во времена ГДР работал инженером на фабрике протезов. На самом деле он был сантехником, мне Аннелизе рассказывала. На заводе по производству мотоциклов в Рудных горах. Чинил сортиры и душевые.

Приходил Хайнц и к нам в галерею, жену проведать. Врал и мне про фабрику протезов. Зачем, один Фрейд знает.

Натолкнулся я недавно в интернете на страницу «Секс с женщиной, у которой ампутированы ноги и руки». Не хотел смотреть, жалел несчастную. А потом все-таки посмотрел. Какой-то любопытный дьявол сидит во всех нас. Ампутирована у женщины была только одна нога. Оставшимися конечностями, красивым гибким телом и прекрасной головой она орудовала на удивление шустро.

Страстный любовник покрывал жадными поцелуями ее культяпу.

Каждому свое.

...

Бедная Аннелизе от стыда за мужа кашляла.

Сейчас тут многие врут. Стесняются правды. Честному немцу стыдно днем по улице слоняться или на вокзале торчать. Он должен вкалывать на работе.

Зарабатывать деньги.

Спросил я однажды знакомого предпринимателя, купившего у меня еще в начале девяностых несколько рисунков, человека уже не молодого, по моим меркам – очень богатого, владеющего и солидным капиталом и дюжиной доходных домов недалеко от Рейна: «Зачем ты работаешь, пашешь как пчелка? Шел бы на покой, ездил бы по свету и наслаждался жизнью!»

Бедный богач ошалело посмотрел на меня, в его усталых глазах на мгновение вспыхнул огонек страха, потом погас. Он выдавил из себя какую-то банальность, отошел от меня, а позже... перестал отвечать на мои приветствия.

Человек-робот ничего не может сделать против встроенной в него программы

бессмысленного обогащения. Его приоритеты безнадежно деформированы всеобщим радостным безумием общества потребления. Раб собственного социального статуса, конкуренции, комфорта и денег боится свободного времени, ненавидит неасфальтированное, незастроенное под фабрики, конторы или доходные дома пространство, не выносит незасеянное поле, не обкорнанный сенокосилкой садовый участок, он испытывает ужас перед органикой – природой и человеком, всячески стремится надеть на них хомут и запрячь, а если нельзя, то по крайней мере вставить их в рамку и продать. А вечерами он компенсирует свою механистичность платным садо-мазохистским сексом, любовью к кошке или собиранием фарфора...

...

Клаус, богатый кузен моей бывшей подруги, показывал ей на семейной сходке коллекцию своих часов. Некоторые стоили более миллиона евро.

– Посмотри, на эти камни из Южной Африки! Горят! Тридцать карат!

Платиновый корпус, ручная работа, гарантия на тысячу лет...

Коридоры его виллы были завешаны пестрыми картинами, в которые он, по его словам «успешно вложил деньги». Его кухня – мать-одиночка с тремя малолетними детьми – в те времена бедствовала, не могла позволить детям на завтрак съесть более одного тоненького лепесточка копченой колбасы с дешевым хлебом. Клаусу и в голову не пришло предложить ей какую-то помощь.

Клаус умер от удара прямо на заседании правления его фирмы. Из-за нерадивости одного из директоров фирма потеряла выгодный контракт за границей. Клаус расстроился и разругался с коллегами. И умер. Клауса похоронили, а его виллу, акции, коллекцию часов и картин выставили на продажу. По завещанию все вырученные деньги должны были пойти на убежище для бездомных собак. Наследники оспорили завещание. Процесс тянется уже больше десяти лет, и конца ему не видно. Вилла все еще не продана, ее уже несколько раз пытались ограбить. Коллекция часов хранится в банке. Полагаю, кроме моей бывшей подруги о Клаусе больше никто не вспоминает. Она одна ухаживает за его могилой. Сажает на ней фиалки и анютины глазки. От спора за наследство она отказалась.

...

Хайнц загибал последовательно. Он де работал инженером, делал протезы для безногих женщин. Изобретатель и механик. Прочитал доклад в Кирлитцском техническом университете, сам профессор Хемпель хвалил его и звал на работу. Без пяти минут доцент. Сделал стальной протез с движущимися резиновыми пальцами для знаменитой фигуристки Габи Эш...

– Что? У нее и руки и ноги целы? Ну тогда, для этой, для другой Габи. Зайферт.

– Ах, Фрау Зайферт до сих пор катается? Недавно посещала галерею? Ну не помню, может это и не фигуристка была, а певица. Ну эта, ваша бывшая жена... Эбштайн...

– Простите, но моя фамилия Эпштайн, и Катя Эбштайн не имеет ко мне никакого отношения, и насколько я знаю, не нуждается ни в каких протезах.

...

Еще одна неожиданность. Чисто мифологического свойства. Не знаю, почему, но почти все мои знакомые в Кирлитце уверены в том, что я – бывший муж известной немецкой певицы Кати Эбштайн. Кроме того, они уверены, что я страшно богат. Только тайно. Что я прячу где-то большой белый мерседес и имею несметное количество денег в швейцарском банке. На номерном счете. А то, что я живу в Кирлитце более чем скромно – это маскировка, маскарад, который я разыгрываю для каких-то одному мне известных зловещих целей. И сколько я не убеждал моих друзей, что не знаком с фрау Эбштайн, что настоящая ее фамилия Виткивич, что я действительно беден и нет у меня ни белого мерседеса, ни даже прав на вождение, ни номерного счета, ни каких-то тайных целей – все было напрасно. Мне вроде верили, а потом, за глаза, рассказывали, что видели меня на Кудаме в белом мерседесе, а рядом со мной сидела Катя Эбштайн в норковом манто.

Из-за этих idiotских сплетен я чувствовал себя в Кирлитце каким-то Чичиковым. Слава богу, за Наполеона меня все-таки не принимали. А вот за русского шпиона, увы, приняли. Эта, третья мифологическая неожиданность настигла меня однажды вечером. Я был дома, сидел в своем любимом красном кресле с ногами и читал какую-то монографию, кажется о Питере Брейгеле. Кресло это кстати мне досталось в подарок от бывшего судьи, высоченного породистого старика, похожего на Бисмарка, решившего провести остаток дней

на Северном море и раздававшего мебель нуждающимся. Я тогда поблагодарил его жену и потащил кресло с десятого этажа вниз по лестнице, в лифт оно не входило. Где вы поставили свою машину, спросила меня жена судьи. И очень удивилась, когда я сказал, что потащу кресло домой на руках. Нести было не далеко, с километр. Изнемогая от боли в руках, я упрямо тащил кресло метров сто, затем ставил его на тротуар и садился в него отдыхать. Потом опять нес. Прохожие удивлялись, тарасили на меня глаза. Даже полицейский подошел и осведомился, почему я не везу кресло на грузовой машине. Я сказал, что это мое хобби – таскать мебель по заснеженным улицам. Полицейский недобро осклабился, но оставил меня в покое.

Так вот, сижу я дома в судейском кресле и слышу настойчивый звонок в дверь. Дверь у меня стеклянная – вижу, стоят за дверью двое мужчин казенного вида. Открыл.

– Вы такой-то?

– Да.

– Мы из БНД, хотели бы с вами поговорить.

– БНД? Это что такое?

– Федеральная разведывательная служба Германии.

– Проходите.

...

В этот момент мне припомнилось, как два господина в черном арестовали несчастного прокуриса Иозефа К. В день его тридцатилетия. Два типа из БНД вполне могли бы сыграть их роль. Но я на бедного Иозефа К., литературного двойника Кафки, вовсе не был похож.

Господа из БНД рассказали историю проведенного ими расследования. Они де меня сфотографировали на улице. А потом показывали мою фотографию различным людям в Кирлитце. Каким – не сказали, но я позже догадался. И спрашивали этих людей – уж не шпион ли я. И эти люди подтвердили – да, да, конечно он шпион. И не просто шпион, а резидент российской разведки в Саксонии! Спасибо, что не во всей Германии!

Проговорив все это, типы из БНД уставились на меня своими змеиными глазами. Я твердо заявил, что не шпион и прошу прекратить эту абсурдную комедию.

- Все шпионы так говорят.
- Но я действительно не шпион...
- Лучше признайтесь.

Разговор наш продолжался примерно час. Потом я догадался, что надо делать.

- Господа, мы все уже оговорили, я должен уходить, прошу вас уйти.

Они неохотно согласились, но пришли еще раз. Месяца через два. После их второго прихода я послал в штаб-квартиру БНД электронное письмо с просьбой больше ко мне никого не присылать, иначе де буду жаловаться канцлеру и напишу во все газеты о том, что меня, политического беженца, еврея, преследует БНД. Больше они не приходили.

На следующий день я пришел сдавать книгу в городскую библиотеку. Ко мне подошла ее директорша, старая знакомая, и шепнула мне на ухо: «Так ты что же, еще и шпион?»

...

Пропавший человек этот Хайнц. Глаза у него мерзкие, воспаленные. Зрачки – как у дохлой рыбы.

У многих немцев такие глаза. Первые годы жизни в Германии мне казалось, что на улице все на меня смотрят. Пристально смотрят на меня своим мертвыми глазами, усмеваются моей неловкости и насылают на меня зло.

Аннелизе рассказала мне позже, что сказал ей муж после первого посещения «Синей лампы» и знакомства со мной.

- Эти проклятые евреи! Паразиты! Не дотравил их Адольф в газовых камерах, а жаль. Понаехали опять. Они хотят только наши деньги. Не верь этому типу!

Посмотри на его спесивую рожу! Все он врет, никто их в России не преследует. Им бы только не работать, сосать из других народов кровь и трахать арийских девушек. Блондинок им подавай! Смотри, не спутайся с ним, зарежу!

...

Хайнц не был так уж неправ. Не только я, многие другие «евреи из СССР» – пишу в кавычках, потому что среди этих «евреев» процентов семьдесят людей других национальностей, купивших в конце восьмидесятых за полсотню долларов фальшивые свидетельства о рождении, да еще процентов двадцать пять половинок с русскими женами, а «настоящих» религиозных евреев нет

вообще – приехали в Германию потому, что тут можно было жить, не напрягаясь. Кому охота ишачить?

Работу в галерее и работой-то трудно было назвать. Одно удовольствие.

Художники – милые ребята. Публика вежливая. Денег немецких мне конечно не надо, но... Если дают просто так, ни за что, то почему бы и не взять?

Сосать кровь не гигиенично. Можно что-нибудь подхватить... А вот против блондинок я ничего не имею. У них шейки тоненькие, нежные, как у ощипанных курочек. Я – не какой-нибудь декадентствующий степной волк, перегрызать их мне вовсе не хочется, а вот романец закрутить можно. Поставить им, как говорил мой покойный друг Боб Френкель, большой любитель клубнички, «затяжной пистон в растяжку». Немки – бабы ёбкие и не жеманные, не то, что русские интеллигентные женщины, измученные советским бытом. Они, как говорил тот же Боб, «сисястые, но с тараканом в голове». Жены рыцарей.

Помню, связался я лет двадцать назад с одной блондиночкой, арийкой.

Соблазнила она меня на музыкальном вечере чудесными волосами, которыми встряхивала как молодая лошадка и короткой замшевой юбочкой, чуть прикрывающей длиннющие ее бедра, похожие на гидравлические приводы. Пела какая-то старая негритянка блюзы до того хорошо, что хотелось тут же взять билет и в Америку улететь, поселиться там где-нибудь в Алабаме рядом с Глазастиком и Боо Рэдли, пить Кока-Колу и весь день блюзы слушать.

Звали красавицу несколько на славянский лад – Влада. Странная была девица.

Трахалась днем и ночью как бешеная лисица, но безумно боялась, что я как-то попорчу ее золотые волосы. Страшно переживала. Три часа их расчесывала, каждый день мыла и холила. Заставляла меня специальную повязку на лоб надевать, чтобы во время любви и капля пота на ее волосы – не дай бог – не упала.

А мне, когда сзади, черт шептал в уши – намотай ее льняное золото на руку и дерни как следует за волосья эту кобылу, когда будет кончать. Месяцев шесть я черта не слушал. А потом дернул. Не сильно, так, для страсти. Красавица моя заржала и как-то быстро – вьюном – из под меня выскочила. Встала и окаменела лицом. Оделась, сказала, что пойдет на заправку сигареты купить. И свалила. А я мирно заснул. Вернулась часа через полтора с двумя полицейскими.

Оказывается, она для начала сбежала к своему знакомому домашнему врачу, который уж не знаю как и зачем, освидетельствовал несуществующую гематому на ее затылке. С этой справкой Влада направилась в полицию, где заявила, что я ее изнасиловал и избил. Волосы ей драл. Полицейские увезли меня с собой. Допрашивали. Но как-то вяло, без огонька. Я рассказал про наши отношения. Про волосы сказал, что да, дернул, в пароксизме страсти. Полицейские выслушали мой рассказ равнодушно, посмотрели на меня своими глазами цвета болотной трясины и пошли советоваться к шефу. Пришли от шефа скучные. И отпустили меня с миром. Я был на седьмом небе. Помчался как поручик Пирогов в кондитерскую, заказал там горячий шоколад и пирожное «Дунайские волны». В четыре слоя пирожное. Шоколадная глазурь. Сливочный пудинг. Вишенки. Легкий бисквит. С ума сойти как вкусно.

Скоро я узнал, почему меня тогда отпустили. Рассказал один знакомый городской чиновник. Оказывается, на мое счастье, Влада не была в полиции «белым листом». Помимо трех-четырех краж косметики в супермаркетах, за ней числились несколько случаев рукоприкладства по отношению к коллегам по работе (Влада работала синхронной переводчицей с чешского, словацкого и украинского, непонятно, кого она избивала?) и шесть ложных обвинений мужчин различных возрастов и национальностей в изнасиловании и побоях. Вот уж действительно – каждому своё!

Свой рассказ о Владе мой знакомый закончил так: Ты не переживай, она просто психованная. Понимаешь, у нее мать, бухгалтерша, с собой покончила. Владе было четырнадцать или пятнадцать. Приходит домой из школы, а посиневшая мертвая мать у газовой плиты лежит. Тут каждый сбрендит.

...

Дочка Аннелизе, Моника, живет с Лукасом, служащим страховой компании и двумя детьми в старинном городе Ротенбурге. Это там, где все как в средневековье. Музей пыток даже есть. Кресло для допросов с короткими шипами для рук, ног, спины и задницы. «Железная дева» с шипами подлиннее, металлическая клетка для утопления ведьм, виселицы, специальные маски для срама и поношения преступников. Все как полагается.

Моника – продавщица в магазине сувениров, ей уже сильно за тридцать. Лукасу

под пятьдесят. Лукас третий муж Моника. После тяжелого развода с первым мужем, другом детства, оказавшимся домашним садистом и бездельником, Моника полгода лечилась в психбольнице. Вторым мужем Моника был добрый вьетнамец, из тех двух или трех миллионов вьетнамцев, которые работали как рабы на гэдээровских заводах. Они были платой натурой за оружие, экспортируемое из Восточной Германии во Вьетнам.

Вьетнамец был маленьким, честным и работающим муравьем. С ним дородная Моника развелась еще до объединения Германии и вьетнамца позже безжалостно выслали назад во Вьетнам, который хоть вроде и полутшел слегка, но остался, как и его гигантский северный сосед, тоталитарным коммунистическим государством. Вьетнамец открыл на родине обувную мастерскую и до сих пор присылает Монике по почте или передает с оказией ее любимые сладости – арахисовые плитки на меду. А Моника посылает ему консервированные баварские сосиски.

...

Лукас был женат четыре раза. С первой женой, Сабиной, у него все было хорошо, пока ребенок не родился. Слепо-глухонемой мальчик. Родители возились с ним четыре года. Потом сдали таки в специальную лечебницу. И развелись. Но не из-за сына, а из-за того, что Сабина, художница и писательница, как она сама себя называла, нашла себе более выгодную партию чем Лукас – врача интерниста. Интернист купил специально для свиданий с ней виллу в стиле ар нуво недалеко от Мюнхена, полную дорогого антиквариата. Даже письменный стол знаменитого Ван де Велде там был. Овальный, с выдвигающимися частями. Купил-то купил, но с собственной женой, Гудрун, гордой дочкой немецкого посла в Венесуэле, подрабатывающей кстати у него в клинике медсестрой, не развелся и виллу для верности записал на жену, а не на Сабину. Сабина так из-за этого переживала, что тоже четыре месяца отлежала в психушке. Затем прижилась в гудруновой антикварной вилле. Рисует там свои портретики и пишет любовные романы купленной в парижской ручкой Ватерман на овальном ван-де-велдевском столе.

Второй женой Лукаса была мексиканка Розита с ревнивым характером. Из Гвадалахары. Она познакомилась с Лукасом в интернете на сайте любителей

кактусов. Когда он приехал к ней в Гвадалахару, показала ему плантацию редких кактусов во дворе ее дома и так накормила перченой мексиканской едой, что Лукас чуть не умер от заворота кишок. Розита переехала к Лукасу в Штутгарт. Ревновала его ко всем женщинам. И не напрасно – Лукас изменял ей с собственной шефиной во время частых совместных командировок на различные острова в океане (оба любили тропические фрукты, мелкогалечные пляжи и вареных омаров с чесночным соусом). Шефиня говорила, что они тяжело работают в страховой компании не для того, чтобы вести скучную жизнь домоседов, и ездила с любовником за счет фирмы то на Гавайи, то на Мальдивы, то в прекрасную Тасманию. Во время развода, в суде мексиканка вынула вдруг из пышного платья мачете и недвусмысленно пригрозила им Лукасу. После этого он согласился отдать ей все совместно нажитое имущество. Отдал ей даже подарки шефины, на что та смертельно обиделась и продолжила свои вояжи уже с новым сотрудником, представительным и динамичным шотландцем Патриком, предпочитавшим фруктам, пляжам и омарам – ядовитое блюдо фугу, приготавливаемое из скалозубов. Шефиня и Патрик зачастили на Японские острова. Однажды или повар перестарался или Патрик переел своего любимого деликатеса и скончался на руках у безутешной шефины в страшных муках. Перед смертью он прошептал: Лучше бы мы ограничились нарэдзуси...

Третья жена Лукаса привела в его новый, только что купленный в кредит дом двух дочерей от предыдущих браков. Отец первой дочери, мулатки, уехал в Конго, «помогать президенту Сассу-Нгессо» где, по слухам, был взят в плен повстанцами и после неудачной попытки получить за него выкуп, обезглавлен. Отец второй дочери, тайланец, не собирался никуда уезжать, работал себе в китайском ресторане и наслаждался жизнью; жена бросила его ради Лукаса. После чего тайланец уехал в Таиланд. От обиды. Работает в Бангкоке поваром. Так вот две эти шальные дочки – от негра и от азиата – после нового брака их матери вдруг бешено полюбили своих за тридевять земель от Германии живущих отцов и начали им звонить по мобильному телефону. Хотя отец-конголезец был кажется уже мертв, а у тайландца не было телефона. После получения трех месячных счетов за телефон – каждый был больше двух тысяч евро – Лукас подумал о разводе. Через восемь месяцев он уже был снова женат

на бездетной и надежной в финансовом смысле восточногерманской женщине Монике, дочери Аннелизе.

...

Аннелизе – пятьдесят восемь. Она не пьет и не курит. Зарядку делает утром и вечером. На даче разводит розы и жасмин. Тяжелые сумки не таскает, отовариваться в супермаркет ездит на своем фиолетовом фольксвагене. Пьет только минеральную воду. На курорты ездит. Даже на Мертвом море две недели в грязях купалась. Приехала оттуда – кожа как у молодухи. Светится как утренняя заря в Пиренеях.

Немцы вообще здоровые как лошади. Не то, что мои бывшие соотечественники. Созвонился я недавно с Лукьяном, одноклассником. Лукьян рассказал, что половина нашего московского выпускного класса – уже на кладбище. Пьянство, курение, антисанитария, неправильное питание. Двое – в автомобильных авариях погибли. Один отравился водкой. Наташенька Голохвастикова, красоточка наша, вторыми родами умерла. Ребенка спасли, а ее нет. Муж дал дёру. Дети у ее престарелых родителей остались. Инка Малик умерла от болезни почек. Лекарство купить было не на что. А клоун наш классный, Димка Банжо – в Москву-реку бросился с Крымского моста. Из-за долгов. Лед башкой пробил и как ракета во льду застрял. Ногами кверху. Лукьян говорил, торчал он будто бы во льду целых три дня. Москва января девяносто третьего, понятное дело. Может, кто и помог. Пятерых наших ребят рэкетеры убили в девяностые. Фирмы из ничего организовали, открыли бюро и торговые точки. Еще двоих посадили в двухтысячные-нулевые. После того, как у них бизнесы отобрали. В тюрьме их опустили и заразили туберкулезом.

Ничего в России по-человечески сделать нельзя. Ни пожить, ни поработать, ни умереть...

Я тогда, после разговора с Лукьяном, специально Аннелизе про ее школьный класс расспросил. Чтобы сравнить. Дети военных лет все-таки. Оказалось – все живы. Собираются раз в год в «Золотом петухе». Любительский фильм делают после каждой встречи. Аннелизе показала мне фильм – все крепкие, спокойные, солидные. Но хмурые. Немцы. Вещи в себе.

...

Многие после объединения Германии на Запад уехали, пожили там и приехали назад. Некоторые и квартиры и семьи бросили. И в Америку подались. Или в Канаду.

Почти все оставшиеся тут, на территории бывшей ГДР, работу потеряли. Экологически грязные, морально устаревшие гдээрговские предприятия закрылись уже в первые месяцы после объединения. Немногие рентабельные фабрики бывшей ГДР были сознательно уничтожены западными конкурентами. Поначалу люди растерялись. Потом почти все как-то устроились.

Подрабатывают то тут, то там. Иногда и на пособия прозябают. Ничего, и так жить можно. Особенно, если тебе за пятьдесят пять и у тебя есть свой домик в предместье, с садиком и гаражом.

Сидят бывшие строители коммунизма в своих уютных пивнухах с оленями и кабанами на стенах, ругают вполголоса новые порядки и пьют пиво. Летают раза три-четыре в год в Барселону, Стамбул, Анталию, Грецию, Тунис. А потом рассказывают друг другу...

– Как там хорошо кормят и все вообще дешево...

– Гостиница только была грязновата. Гюнтер купил себе серебряный арабский кинжал с рубинами, а Эрна – персидский ковер и чучело крокодила с малахитовыми глазами. Ковер быстро вылинял, рубины из ножен кинжала вывалились и закатились под шкаф, а крокодила отобрали неизвестно почему чертовы таможенники. Я просила хотя бы глаза оставить, но таможенник сказал, что это не малахит, а пластмасса. А про кинжал сказал, что он не серебряный. Везде один обман. Но море там изумрудное. Только загажено сильно. Пахнет тухлой рыбой.

...

Работа в галерее была не пыльная. Посетителей приходило за день – от пяти до десяти человек. А иногда весь день никого не было. Я обрамлял и развешивал работы очередного художника, организовывал и проводил вернисаж.

Представлял артиста гостям, кратко характеризовал его творчество, после этого следовали музыкальный номер (саксофон, гитара или барабан) и фуршет (пиво нескольких сортов, белое и красное вино, бутерброды). После открытия делать в галерее было нечего. Выставки у нас продолжались два месяца. Аннелизе

убиралась, мыла окна, пылесосила. Я читал искусствоведческие книжки или писал что-нибудь свое от скуки. Поначалу мы оба дисциплинированно отсиживали в галерее обязательные шесть часов. Потом я осмелел и уговорил пугливую Аннелизе разделить между нами присутственные часы пополам. Аннелизе вначале «боялась проверок», коммунистическая картина мира – «мы» работаем, а всевидящие, всезнающие, карающие «они» нас наблюдают и проверяют – все еще крепко сидела в ее голове. Потом привыкла и начала всю использовать свободную жизнь – выполняла в рабочее время дома небольшие дизайнерские работы (Аннелизе закончила художественное училище), моталась по магазинам, навещала подружек.

Так мы работали, жили каждый своей жизнью и только раз в неделю пили вместе кофе с пирожными после завершения короткой субботней смены, которую не делили, а проводили вдвоем для обсуждения планов и распределения обязанностей. Наслаждались выгодами мирного сосуществования.

Трудно было, наверно, найти на всем свете более различных людей.

Я – толстый, лысый, эмигрант, антикоммунист, мизантроп, эгоист, бобыль, обжора и циник. Да еще и еврей. Аннелизе – худая, стройная, с огромной копной крашенных рыжих волос, бывший член Социалистической единой партии ГДР, добрая, отзывчивая, спокойная, семейная, обязательная немка. Умеренная во всем. Даже отчасти верующая в Бога и регулярно жертвующая деньги на борьбу с малярией.

Противоположности, как известно, сходятся.

Однажды, после долгого скучного разговора о планах на следующую неделю...

Планов не было никаких, но я постоянно придумывал различные легкие дела для того, чтобы Аннелизе не чувствовала себя не востребованной, а в годовом отчете можно было бы отчитаться о наших социальных «проектах» (ненавижу это слово, его используют профессиональные шарлатаны), на которые мы собственно и получали деньги от саксонского министерства культуры. Однажды мы собрали, расписали красками и увесили подарками четырехметровый деревянный корабль на колесах, с парусами, с командой из двенадцати кукол (платья кроила и шила Аннелизе), с широко раскрывающейся бегемотьей пастью, в которой прятались куклы-пираты и животом, в котором хранились

игры-сюрпризы. Наш веселый корабль мы торжественно ввезли по длинному коридору городской библиотеки и установили в большом вестибюле, в котором проводились предрождественские детские праздники. Дети в первый же день ободрали корабль как липку. Сломали и украли все, что смогли. Мы увезли корабль после Рождества в галерею и целый год его восстанавливали для следующего праздника, не забыв, разумеется, выцыганить под эту работу еще пару тысяч евро у государства.

Так вот, однажды после субботнего кофе...

В тот раз мы ели творожные пирожные с взбитыми сливками, клубникой и мандаринами. Пицца богов. Я пил капучино из любимой японской резной чашечки, Аннелизе – как всегда – эспрессо. Из белого голландского наперстка. Перед кофе и пирожными мы попробовали новый сорт французского козьего сыра. Сыр мы нарезали тонкими ломтиками и уложили на белый хлеб с маслом. Сверху положили дольки сладкого красного перца и листики петрушки. Резали мы все это роскошным кухонным ножом фирмы Золинген, купленным несколько дней назад для нашей галереи на деньги от очередного проекта. Я этот нож с темной удобной рукояткой и изящным длинным лезвием сам выбирал в дорогом магазине металлической посуды и гордился им как собачник гордится породистым щенком.

Допив свой капучино, я уже собрался было встать из-за стола и распрощаться с Аннелизой. Посмотрел на нее так, как смотрят на коллегу по работе или на старую мебель. Не то чтобы равнодушно. А так, с легким раздражением от нудности повторяющихся форм, слов и ситуаций.

Посмотрел... увидел на ее лице выражение то ли скуки, то ли легкого беспокойства. Мне показалось, что в углах ее губ легла синеватой тенью озабоченность добропорядочной семейной женщины, хозяйки.

Ее лицо припудрил прах уходящего времени...

Я встал, подошел к Аннелизе, нежно обнял ее, заглянул ей в глаза и поцеловал. Потом прижался лбом к ее тонким сухим губам. В мой нос ударил запах жасмина. Аннелизе попыталась отстраниться, потом смирилась, замерла. Через минуту я ощутил, что по моему лицу текут ее горячие слезы. А еще через

минуту ее язык уже переплетался с моим. Аннелизе обняла меня бедрами. Мы кое как устроились на стуле.

Этот первый наш любовный дуэт продолжался минут пятнадцать. Перед самым концом я услышал, что сзади нас открылась дверь, и кто-то вошел в галерею. Подошел к нам и что-то хрипло прокричал. Потом крикнул опять. И снова и снова, громче и громче...

Тут невыносимо сладкий запах жасмина навалился на меня как стена, обвился вокруг горла, сдавил и не отпускал до тех пор, пока я не кончил.

...

Очнувшись через несколько мгновений, я наконец расслышал то, что кричал застукавший нас на месте преступления Хайнц, зашедший за женой, чтобы вместе с ней поехать в только что открывшийся в центре роскошный шестиэтажный магазин и сделать необходимые покупки на уик-энд. Он размахивал нашим новым ножом фирмы Золинген и рычал: Проклятая русская свинья!

Оторопевшая Аннелизе тут же отлепилась от меня и убежала в туалет. Я встал, поправил одежду и отобрал у Хайнца нож. Сделать это было не трудно, руки бывшего слесаря дрожали, силы в них не было.

Хайнц перестал орать, сел на стул и уставился на картину на стене. На картине была изображена пустынная улица странного города, по тротуару шла красная кошка, ее шея была обвязана белой ленточкой, на которой красовался синий бантик. Из окна дома напротив на нее угрюмо смотрел мужчина с фельдмаршальскими усами, в темном костюме-тройке с бабочкой и в котелке. Глаза мужчины были широко раскрыты, губы сжаты.

Вскоре Аннелизе вернулась. На меня и не взглянула, а мужу улыбнулась просительной улыбкой. Хайнц заплакал. Мне стало его жалко.

После их ухода я решил выпить еще одну чашечку капучино...